дышало жаром. Сотник накинув синего сукна романовский полушубок шел в Мордину. Выбирал такое время, когда Григорий был занят с лошадьми. Приходил сначала на кухню, шутил с Лукерьей, и повернувшись шел в другую половину. Садился у подземки на табурет, остро сутулил спину, глядел на Аксинью бесстыдным улыбчивым взглядом. Аксинья терялась в его присутствии, дрожали в пальцах иглы, кобировыне нетки чулка.

— Как живешь, Аксиньюшка? — страшивал Сотник наводняя комнатушку синим татарским дымом.

— Благодарствую. — Аксинья поднимала глаза и встречалась в прозрачных взглядом Сотника, молчаливо говорившим о его желании, вспыхивала румянцем. Ей было досадно и неприятно глядеть в обленное светлые глаза Евгения Николаевича. Она невпопад отвечала на разные пустяковые вопросы, норовила поскорей уйти.

— Мне насыпь уткам зерна всыпать. — дрожал ногами и плотно обтянутыми рейтузами. Он не подолгу расстраивал Аксинью про свое прежнее житье, играл низкими нотками, такою же, как и у отца, голоса, похабничал светлыми как родниковая вода глазами.

— Посиди. Успеешь. — улавлен сотник и

Григорий утраивавшись приходил в Мордину. Сотник уходил. Его татарской и погасли в глазах недавние огни.

— Чево он сидел? — страшивал Григорий глухо, не глядя на Аксинью.

— А я почем знаю? — Аксинья вспоминая его глаза сделанно смеялась, — Пришел, сел вот тут точка. Глядка, Гришенька, вот так-то, — она показывала, как сидит сотник, похоже горбатя спину, — и сидит, и сидит, аж жутко. А коленка остра-превостра.

— Приволокся что-ль? — зло щурился Григорий

— Кусался он мне!

— То-то гляди... А то куль он и дожидат, а я ево в одночасье спихну с крольца.

Аксинья улыбалась глядела на Григория и не могла понять серьезно он говорит, или шутит.

16.

На четвертой неделе поста сдала зима. На Дону бакаулой легли окраинцы, ноздревато притуп подтаяв сверху лед, посерел. Вечерами глухо гудела гора, по старинным приметам к морозу, а на самой вешней вплотную подходила оттепель. По утрам легкие ледорвоными заморозками, к полудню отходила земля и пахло мартом, прихороненной корой вишневых деревьев.

Мирон Григорьевич исподоволь готовился к покосу, день потоптавшими днями возился под сараем, тесал зубья к боронам, вместе с четырьмя делал два новых стояка для колесной поездки. Дед Гришака сбрел на четвертой неделе. Приходил во церкви почерневший от горя.